

На базе Восточно-Казахстанского областного этнографического музея в пятый раз прошел республиканский семинар директоров музеев. Почему именно здесь?

Ответ, видимо, следует искать в личности директора – заслуженного работника культуры Казахстана Николая Зайцева. Благодаря этому человеку город славен не только своим уникальным этнографическим музеем, но и еще многим другим, из-за чего лица у людей становятся добрее, и мягче. А ведь музейным работником Зайцев стал случайно.

- Родом я с Урала, а в эти края попал по независящим от меня обстоятельствам. У меня болела мама, и нужно было менять климат. В Лениногорске жила старшая сестра, она с восхищением описывала в своих письмах природу Восточного Казахстана. Так мы с мамой попали сюда.

В те годы мы все были романтиками. Я, например, мечтал стать геологом, поэтому, как приехал в Лениногорск, сразу пошел устраиваться геологоразведочную экспедицию. Но вскоре мне пришлось оттуда уйти, потому что с получением квартиры там были туманные перспективы. Горком комсомола предложил мне поехать библиотекарем в Бутаковку – старинное кержачье село под Лениногорском. Не проработал и месяца как меня пригласили работать по совместительству в школу. Там я по результатам проверки, устроенной гороно, неожиданно оказался лучшим учителем.

Инспектировала нас Екатерина Ивановна Драп. «Какая культура, когда у тебя прекрасные педагогические данные», - сказала она, когда я заявил, что собираюсь поступать в институт культуры.

Екатерина Ивановна лично проследила за тем, чтобы я поступил в пединститут на исторический факультет. После этого я десять лет проработал в школе. Чтобы история не была «мертвым» предметом, я начиная с 1968 года стал собирать экспонаты, которые хранил за занавеской в школьном вестибюле. Четвероклассники работали научными сотрудниками, а пятиклассники экскурсоводами и хранителями фондов. Ни одна вещь в музее за эти годы не была украдена, хотя среди экспонатов были и серебряные монеты, и оружие, и антикварные вещи...

Наш музей рос, мы достаточно серьезно заявляли о себе на всевозможных взлетах, делали выставки в Усть-Каменогорске и в Алма-Ате, нас стали приглашать в ЦК комсомола Казахстана, писать о нас в газетах...

- Говорят, этим вы во многом обязаны сыну Натальи Сац, собкору «Комсомольской правды» по Казахстану Розанову?

- В наш музей он приехал, кажется, в качестве корреспондента «Ленинской смены». Это был человек глубокой эрудиции, прекрасной памяти и необыкновенной интеллигентности. Вместе со своей супругой Надеждой Сергеевной он часто бывал у меня в гостях в Бутаковке. Знал я и его мать, Наталью Ильиничну Сац. Хотя и производила она впечатление суровой и очень серьезной дамы, но была она человеком удивительно увлеченным.

Но вернемся к теме музея. В 1972 году Бутаковский школьный музей отделился от школы и стал филиалом Лениногорского этнографического музея, а в 1978 году нам присвоили статус областного этнографического

музея со штатом 55 человек. К 1983 году популярность настолько выросла, что музей пришлось перевозить из Бутаковки в Усть-Каменогорск.

С той поры мы отремонтировали и освоили три заброшенных здания. Практически на нашей базе вырос музей искусств, мы проводим у себя мероприятия областного и республиканского масштаба, организовываем выставки. Сейчас только что вернулись из Москвы, где в рамках Года Казахстана в России показывали Восточный Казахстан как промышленную область.

— **Как вы пережили трудный период, связанный с переходом страны к рыночным условиям?**

— У нас было громадное хозяйство, содержать его стало практически невозможно, но мы не продали ни одной пяди земли, ни одного объекта. Как мы выжили? Брались за все и не чурались черновой работы. Штат был 250 человек - стал 86. То есть научные сотрудники по совместительству превратились в техников и дворников. Еще мы проводили коммерческие мероприятия — от платных вечеров до покраски и продажи пасхальных яиц. Посыпались заказы на организацию празднования Наурыза, айтысов, всевозможных торжеств, массовых мероприятий и международных выставок.

Заработанные таким образом деньги шли на оплату отопления, освещения, на зарплату сотрудникам и даже на покупку экспонатов и техники.

— На попечении вашего музея находятся городские парки, детский городок и зоопарк. Справляетесь?

— Этнографическому музею отдали под опеку парки имени Кирова, Жамбыла и детский городок. Можно было отбояриться, но с другой стороны, все это включает в себя элементы воспитания, и мы становимся ближе к аудитории. В детском городке, например, на протяжении всего лета, одновременно с играми шли передвижные выставки.

Никто не вдумывается в смысл фразы «Красота спасет мир». А ведь мы убедились, что так оно на самом деле и есть. Если дать людям возможность красиво отдохнуть, то не будет унылых и злых лиц. Сейчас мы ведем не-запланированную реконструкцию парка имени Жамбыла, уже на одну треть благоустроили газонами, делаем торшерное освещение... Нынешней весной посадили 20 тысяч тюльпанов, в наших парках цветет 70 видов пионов, народ специально приходит, чтобы полюбоваться на них.

Мне самому сейчас трудно поверить в то, что раньше парк имени Жамбыла был совершенно заброшенным, люди пробегали по нему, не останавливаясь. Никто не гулял здесь по вечерам. Сейчас в парке стоит 70 скамеек и множество урн. Правда, кто-то еще пишет на спинках скамей, но мы моментально все это стираем. И у нас, слава Богу, меньше стали топтать газоны. «Все это ваше — говорим мы горожанам, — вы хозяева». Была бы возможность, я бы в парке Жамбыла установил часовенку вместо разрушенного Покровского храма.

А вот что касается зоопарка, бывший тогда акимом области Виталий Метте просто-напросто заставил меня его «взять». К нам сейчас каждый день несут израненных и подбитых зверей и птиц.

Вот как, например, к нам попала медведица Машка. Какие-то циркачи заточили медвежонка в клетку размером с маленький холодильник и при отъезде забыли его в брошенном автобусе на окраине города. Те полгода, что он там находился, его кормили чем могли окрестные ребята. Потом кто-то из взрослых сообщил о медвежонке нам. Когда мы приехали, у него был рахитичный живот, атрофированные лапы, изменения в челюсти, потому что

ничего, кроме печенья и сухарей, он не ел, пришлось сажать его на специальную диету. Сейчас мед-ведица очень любит общаться с людьми и позировать фотографам.

— Вы могли бы рассказать о необычных ситуациях, связанных с приобретением экспонатов?

— Да, вот недавно мы купили громадную кумысницу, сделанную из капа (нароста на дереве). За нее, конечно, требовали бешеных денег. У меня были бессонные ночи, пока шел этот двухнедельный торг. Не представляю, что бы со мной было, если бы эта вещь куда-то ушла.

Еще помнится такая ситуация. Мы же выдаем справки для предъявления таможенной службе на вывоз экспонатов за рубеж. Так вот, попросили у нас справку на вывоз бытового серебра. Прибегает главный хранитель фондов и кричит: «Какое бытовое серебро?! Это столовое серебро высочайшей пробы из 168 предметов, антиквариат начала прошлого века!». Дело в том, что за пределы страны можно вывозить только те изделия, которые произведены после 1940 года... А хозяйка завтра уезжает, пришлось отдать ей тысячу долларов, на которые мы планировали отремонтировать машину.

Или приносят, например, икону и называют такую цену! У нас, разумеется, таких денег нет, и мне приходится пить валидол. Вообще за пределы области нелегально вывозится громадное количество икон, старопечатных книг, ювелирные украшения и антиквариата. По нашим данным, из них можно было создать не один музей. Но что делать? К каждому кургану и к каждой иконе не поставишь охранника. Совсем недавно, например, у нас была попытка ограбления выставки икон. Воры вытащили из окна за штаны. Вот на что я не жалею денег, так это на самые современные методы охраны музеев.

Меня часто спрашивают: зачем, дескать, в наше время, когда люди живут в жесточайшем ритме, музеи. Что я могу на это ответить...

Недавно в нашем музее побывал японец, он сказал, что объездил весь мир. Посетил и Британский национальный музей, который имеет возможность покупать на международных аукционах картины и за 50, и за 60 миллионов фунтов стерлингов, поскольку располагает средствами и благодаря спонсорской помощи и за счет бюджета. А у нас...

«Все трудно, - отвечают наши деловые люди на просьбу помочь, - почему я должен помогать?» Так вот, японец, с большим интересом все посмотрел, детально прощупал казахскую юрту. Когда человек относиться к старине с не наигранным трепетом, а потом заявляет, что ему, здесь было не менее интересно, чем в Британском национальном музее, значит музеи нужны.

В настоящее время из-за нехватки средств многие краеведческие музеи в районных центрах не работают, хотя в их фондах хранятся ценные и даже уникальные коллекции. Есть ли какой-то выход из этой ситуации? Чтобы вернуть к жизни незаслуженно забытое собрание старины, необходимо разработать программу поддержки малых музеев, которая по примеру России, представляла бы возможность экспонировать выставки из провинции в крупнейших музеях республики. А для обмена информацией о возможностях фондов и выставочных залов Казахстану необходимо собственное издание. Например, наш этнографический музей благодаря публикации в российском журнале «Мир музея» нашел в Томской и Новосибирской областях партнеров, выразивших согласия на обмен выставки.

Галия Шимырбаева

2003 год

